

НОВАЯ ИСТОРИЯ ПТОЛЕМЕЯ ХЕННА (PHOT. BIBL. 190)

А. В. ГАРАДЖА

Российский государственный гуманитарный университет
agaradja@yandex.ru

ALEXEI GARADJA

Russian State University for the Humanities (Moscow)

PTOLEMY CHENNUS' *NOVEL HISTORY* (PHOT. BIBL. 190)

ABSTRACT. Ptolemy Chennus is a poorly known Roman author who wrote in Greek and lived in the late 1st — beginning of 2nd century AD. His works are enumerated in the corresponding article from the Byzantine encyclopedia *Suda*: a collection of *Paradoxical stories*, a historical drama *Sphinx*, and an epic entitled *Anthomerus*; his only extant work is the *Novel History*, probably another title of Ptolemy's aforementioned paradoxographical collection, which has been preserved as an epitome in the *Bibliotheca* of Patriarch Photius (c. 810/820–893). By his professional pursuits, apparently initiated in his native Alexandria, Ptolemy is defined as *grammaticus*, i.e. classical scholar, and the classics in his time were centered primarily on Homer; the tendency to thwart this great authority is evident throughout the *Novel History* which is teeming with a mass of blatantly unorthodox versions of various mythological stories going back to Homer. It is this unorthodoxy that the compiler of the epitome finds attractive, though unfortunately a mere summary forestalls the possibility to savour the presumed stylistic complexity of the work, as well as to form a well-grounded judgement on how serious was its author's attitude to the fables he tells, or on how close these fanciful rehashes came to a deliberate parody; still, it almost seems certain that the original text was truly rich in playfulness, irony, and burgeoning imagination. The publication presents the first full Russian translation of the work, accompanied with sufficiently detailed commentary, paying special attention to Eustathius' of Thessalonica (c. 1115–1195/6) *Commentaria* to Homeric poems, the only literary source where some few parallels to the wildly unconventional data provided by Ptolemy may be found.

KEYWORDS: Ptolemy Chennus, Homer, ancient *grammatici*.

Птолемей Хенн — римский грекоязычный автор родом из Александрии, живший на рубеже I–II веков н.э. Посвященная ему статья из византийской энциклопедии *Суда* приурочивает время его жизни к правлениям импера-

торов Траяна (98–117) и Адриана (117–138), однако в другой статье он назван современником своего земляка и коллеги-грамматика Эпафродита Херонейского, деятельность которого приурочена к правлениям Нервы (96–98) и даже Нерона (54–68). Приведем оба эти свидетельства:

«Птолемей Александрийский: грамматик, сын Гефестиона, жил при императорах Траяне и Адриане, прозывался Хенном, написал *Истории о невероятном, Сфинкса*, историческую драму, *Антигомера* (Ἀνθόμηρος), поэму в двадцати четырех рапсодиях, и кое-что другое» (*Suda* π 3037).

«Эпафродит Херонейский: грамматик. Вырос в доме грамматика Архия Александрийского, давшего ему воспитание; был куплен Модестом, префектом Египта, и воспитывал сына его Петелина. Находился в Риме с Нероновых времен и до Нервы; в эту пору жил и Птолемей, сын Гефестиона, и многие другие знаменитые в сфере образования люди. Постоянно скупая книги, он собрал до тридцати тысяч сочинений — всё серьезные и глубокие. Телом он был крупен и черен, как слон. Обитал же он в Фенианокории (= лат. *Faeniana horrea*), где купил себе два дома. Прожил до семидесяти пяти лет и умер от водянки. Оставил после себя немало сочинений» (*Suda* ε 2004).

Птолемея Хенна нередко — начиная с Иоанна Цеца (*Chil.* 7.195) — катархестически именовали «Птолемеем Гефестионом», однако это может привести к путанице, поскольку известен еще один александрийский грамматик по имени Гефестион — по-видимому, младший современник нашего автора (о нем см. *Suda* η 659). Его прозвище Χέννος — гапакс, связываемый с χέννιον ‘разновидность перепела’, по Гесихию — «птаха, которую в Египте принято солить (ταριχεύω: этим словом обозначали и мумификацию)» (Hsch. χ 348, ср. Ath. 9, 393c), при том что обычный греческий термин для ‘перепела’ — ὄρνις. Возможно, однако, что Χέννος связано скорее с греч. χήν ‘гусь’ и египетским термином *smn*, обозначавшим ‘нильского гуся’, священное животное Амона; во всяком случае, предполагать египетскую подоплеку прозвища не более фантастично, чем видеть намек на Птолемея Хенна в эпиграмме Марциала (10.3) с упоминанием «перепела (лат. *coturnix*), чьим голосом начинает кричать попугай» (Bowersock 1994, 26–27).

Перечисленные в *Суде* произведения Птолемея до нас не дошли, разве что «Истории о невероятном» (Περὶ παραδόξου ἱστορίαι) было другим названием «Новой истории на потребу многознанию» (Περὶ τῆς εἰς πολυμαθίαν καινῆς ἱστορίας), сохранившейся в пересказе, включенном в «Библиотеку» патриарха Фотия (ок. 810/820–893). Впрочем, полное заглавие этого сочинения не принимает А. Хацис, считавший εἰς πολυμαθίαν частью посвящения (Chatzis 1914: xxxiv), а другие исследователи не оставляют попыток отойти от дословного перевода καινῆ ἱστορία как вводящего в заблуждение и передать

название книги как-то иначе — более четко, по их мнению, отражающим ее содержание: так мы получаем *Novel Research* (Hartley 2014, 59–60, etc.) и *Original Inquiry* (Decloquement 2021, 281, п. 4). Такой акцент на «изыскания» отсылает к практике научной деятельности тех, кого называли во времена Птолемея «грамматиками»: подыскав — а то и просто придумав — некую проблему (ζήτημα ‘искомое’), как правило связанную с текстом Поэта, то есть Гомера, ученый выставлял ее затем на общественное обсуждение, которое нередко встраивалось в симпотический контекст (ср. «Застольные беседы» Плутарха, «Пир софистов» Афиней) — причем, поскольку подобные пир-симпозиции устраивались не только друзьями и коллегами, но и сильными мира сего, начиная с императоров, грамматические изыскания зачастую превращались в род светского развлечения.

Конечно, грамматика старой закалки — александрийцы восходящей к Аристарху Самофракийскому (ок. 220 – ок. 143) школы — занимались настоящей критикой, текстовой и литературной. Вот как описывает их деятельность Квинтилиан (ок. 35 – ок. 100):

«Старые грамматика были настолько строги, что не только отбраковывали не выдержавшие критики строки и отменяли целые сочинения, авторство которых казалось им подложным, будто изгоняя подкидышей из семейного круга, но и составляли жесткий канон, куда иных авторов принимали, а иных вовсе не допускали» (*Inst.* 1.4.3).

Птолемей, конечно, чужд такой строгости — скорее, он ее имитирует, попросту придумывая источники, на которые ссылается, — и его сочинение действительно трудно назвать историческим — оно написано на стыке мифографии и парадоксографии, популярных в то время жанров, и явно выказывает черты пародии или пастиша. Разумеется, трудно судить об этом наверняка по пересказу: у нас нет возможности оценить стилистическую расцветку оригинального сочинения, которая показала бы, насколько серьезно сам автор относился к передаваемым им парадоксальным историям и насколько близко эти причудливые перепевы смыкались с преднамеренной пародией — лишь с высокой степенью вероятности можно предполагать, что исходный текст на самом деле был насыщен игрой, иронией и безудержной фантазией. Составитель эпитомы именно неортодоксальность классических — восходящих к Гомеру — мифологических сюжетов выделяет как привлекательную черту «Новой истории».

Первое критическое издание текста эпитомы «Новой истории» в составе Фотиевой «Библиотеки» осуществил Иммануил Беккер (Bekker 1824, 146–153); страницами и строками именно этого издания принято структурировать текст нашего памятника. Спустя десятилетие отдельным комментиро-

ванным изданием «Новая история» вышла под редакцией Ж.-Э.-Г. Руле (Roulez 1834), а вскоре — еще раз в составе сборника античных писателей-мифологов под редакцией Г. Вестерманна (Westermann 1843, 182–199). Значительной вехой в истории рецепции текста Птолемея стало издание, подготовленное А. Хацисом (Chatzís 1914). Настоящий перевод выполнен по изданию «Библиотеки» Фотия, осуществленному Рене Анри (Henry 1962); отсюда заимствована разбивка текста перевода на параграфы. Ссылки на комментарии Евстафия Фессалоникийского (ок. 115–1195/6) к «Илиаде» приводятся по изданию Ван дер Валька (Valk 1971–1987), к «Одиссее» — по изданию И.Г. Штальбаума (Stallbaum 1825–1826); византийский комментатор важен потому, что только у него можно найти немногочисленные параллели (подборку см. Hercher 1856) к ряду иначе не объяснимых Птолемеевых «изысканий».

НОВАЯ ИСТОРИЯ

(146a) Читано из «Новой истории на потребу многознанию» Птолемея, сына Гестифона, в шести книгах. (146b) Сочинение поистине полезное для всех, кто взялся трудиться на поприще исторического многознания, ибо дает возможность за короткое время обозреть свидетельства, разбросанные по разным книгам, на сбор которых всякий, кто принял бы на себя такой труд, потратил бы долгую жизнь. В нем много гротеска и нелепых вымыслов, а еще нелепей попытки объяснить причины возникновения тех или иных сказок из мифологии.

Что до собирателя этих историй, то он поверхностен, склонен к пустозвонству и выражается совсем не изысканно. Свое сочинение он посвящает некой Тертулле, которую объявляет своей госпожой и прославляет за любовь к словесности и многознанию. Он напускается на иных своих предшественников за их нездоровый подход к теме исследования. И всё-таки большая часть этих историй, а именно не омраченных вещами неправдоподобными и невероятными, сообщают читателю знания, которые отклоняются от привычных, но при этом могут доставить удовольствие.

I

В первой книге содержится история о кончине Софокла, а до этого — о смерти Протесилая. Еще там есть о смерти Геракла, который покончил с собой на костре, когда, достигнув пятидесяти лет, оказался неспособен натянуть собственный лук; история о спасении возведенного на костер Креза, о смерти Ахилла и о гетере Лаиде, которая умерла, проглотив косточку

оливки. Представляя все эти истории, он говорит об ошибках своих предшественников в том, как те их подхватывали и излагали¹.

Далее он рассказывает о царе Александре, как тот, увидев в Эфесе картину с изображением хитростью погубленного Паламеда, встревожился из-за сходства жертвы с Аристоникум, его партнером по игре в мяч: такого уж нрава был Александр — исполнен доброты и дружелюбия. А еще он утверждает, будто строка из «Гиацинта» Евфориона — «Коцит один омывал Адонисовы раны» — означает следующее: Коцитом звали ученика Хирона в искусстве врачевания, который и врачевал Адониса, раненного вепрем².

Он рассказывает, что тот, кто у Геродота в первой книге «Истории» был убит Адрастом, сыном Гордия, назывался Агафоном, и убит он был в споре из-за перепела. И о том, как Кадм с Гармонией были превращены во львов, и как Тиресий превращался семижды, и объясняет, почему критяне называют его дочерью Форбанта. И о том, что Эриманф, сын Аполлона, был ослеплен за то, что увидел (147а) Афродиту, купавшуюся после соития с Адонисом, а разгневанный Аполлон превратился в вепря и убил Адониса, поразив его клыками³.

Он рассказывает, почему Поэт сделал голубей прислужниками, подающими пищу богам, и о том, что говорили об этом царь Александр и Аристотель, и о Гомере и голубях. И говорит, что поэт Эпихарм происходил из рода Ахилла, сына Пелея. И что Гомер называет Патрокла отменным конником,

¹ Согласно Гомеру, Протесилай, вождь фессалийцев, первым высадился под Троей и тотчас был убит (*Il.* 2.698–702). По одной из версий (Неанфа Кизикийского, FGtH 84 F 18), Софокл умер, подавившись незрелой виноградной лозой на празднике *хои*. Об упомянутых обстоятельствах смерти Геракла и Лаиды рассказывает только Птолемей. О том, как Кир, завоеватель Лидии, хотел сжечь царя Креза на костре и как тому удалось спастись, повествует Геродот (1.86–87).

² Об игравшем с Александром в мяч Аристоникум из Кариста упоминает Афиней (1, 19а). Евфорион Халкидский (3 в. до н.э.) — историк и поэт, на которого не раз ссылается Птолемей.

³ По Геродоту (1.34–43), фригийский принц Адраст, сын Гордия, очищается Крезом от неумышленного убийства брата, а затем во время охоты на вепря так же нечаянно убивает сына самого Креза Атиса; возможно, упоминание перепела (ῥτυξ) здесь намеренно встроено в общую установку автора на «исправление авторитетов». Согласно Псевдо-Аполлодору (3.5.5) и другим, Кадм с Гармонией превратились в драконов (δράκοντες vs. λέοντες: едва ли оплошность переписчика). О семи превращениях Тиресия (вместо обычных двух — в женщину и обратно) повествуется также в одноименной поэме Сострата, пересказанной Евстафием (*ad Od.* 1.390.6–25 = FGtH 23 F 7); здесь упоминается, как в виде прекрасной девушки (предпоследнее превращение) Тиресий выходит замуж на *Крите* за некоего Арахна. Форбант (букв. ‘кормилец’) — имя нескольких героев, в том числе змееборца, каковым почитался и Тиресий. Об ослеплении Эриманфа и превращении Аполлона в вепря пишет только Птолемей.

поскольку тот научился искусству вождения от Посейдона, ставши его возлюбленным⁴.

Одиссей назывался сперва Утис, потому что у него были большие уши; но рассказывает также, что его беременная мать, застигнутая ливнем, не стерпев, разродилась им прямо на дороге (*κατὰ τὴν ὁδόν*), потому-то и был он так назван — Одиссей⁵.

Один аркадянин именем Перитан совершил прелюбодеяние с Еленой, когда та жила с Александром в Аркадии; в качестве кары за прелюбодеяние Александр его оскопил, поэтому аркадяне называют скопцов пеританами⁶.

Аристоник Тарентский рассказывает, что Ахилл, когда жил у Ликомеда среди девушек, назывался Керкисерой; назывался он также Иссой и Пиррой, Аспетом и Прометеем. Ботриад Миндский говорит, что все дети Ниобы были умерщвлены Аполлоном. Отец Одиссея дал ему в спутники и советчики кефалленийца именем Мииск. Вот и при Ахилле состоял советчиком Ноэмон, родом карфагенянин, а при Патрокле — Евдор. Антипатр из Аканфа сообщает, что Дарет, написавший «Илиаду» прежде Гомера, был советчиком Гектора и призывал того не убивать товарища Ахилла. Он же говорит, что советчиком Протесилая был Дардан, родом фессалиец, а Антилоху щитоносцем и советчиком отец его Нестор приставил Халкона. Вот вопросы, затронутые в первой книге⁷.

⁴ См. *Od.* 12.62–65 о подносящих Зевсу амвросию голубях (*πέλειαι* = *πελειάδες*, откуда выводились небесные *Πλειάδες*); Евстафий (*ad Od.* 2.10.35–11.13) упоминает беседы на этот счет Александра и Аристотеля, подключая к ним еще одного собеседника — Хирона из Амфиполиса. Имя отца Ахилла *Πηλεὺς* всплывает, очевидно, по созвучию; об эолийском происхождении знаменитого сиракузского поэта Эпихарма сообщает лишь Птолемей, хотя по всей видимости (ср. *Suda s.v.*) в дорийских Сиракузах он воспринимался как чужак. *Ἴπλεὺς* ‘конник’, *ἵπλοκέλευθος* ‘конепогонщик’ — частые эпитеты Патрокла в «Илиаде».

⁵ В «Одиссее» (9.365–370, 408–414) именем *Οὐτίς* ‘Никто’ Одиссей называет себя с целью обмануть Полифема, Птолемей же выводит его от *ὠτα* ‘уши’ (получая что-то вроде ‘Ушлый’), а имя *Ὀδυσσεύς* связывает с *ὁδός* ‘путь, дорога’. В *Od.* 19.408–409 находим иную этимологию имени героя: «Многим мужчинам, а также и женам весьма ненавистный (*ὀδυσαίμενος*). / Пусть же прозвище будет ему Одиссей» (пер. В.В. Вересаева). Евстафий (*ad Od.* 2.209.46–210.3) приписывает Силену Хиосскому «дорожную» этимологию имени *Ὀδυσσεύς* и поясняет роль *ливня*: «и новорожденный был назван Одиссеем из-за ливня на дороге (*παρὰ τὸ ἐν τῇ ὁδῷ ὕσαι*)».

⁶ Зафиксированный лишь здесь термин *περίτανος* (очевидно, связанный с *περιτέμνω* ‘обрезать, отрезать’) у Птолемея объясняется именем придуманного *ad hoc* персонажа. О пребывании Париса с Еленой в Аркадии тоже узнаем только от Птолемея.

⁷ Аристоник Тарентский скорее всего придуман Птолемеем; известен Аристоник — александрийский грамматик и толкователь Гомера, живший на рубеже эр. Имя *Κερκισέρα* — возможно, от *κερκίζω* ‘ткать с помощью челнока’; *Πυρρά* (‘русая’) как имя Ахилла в доме Ликомеда отмечено также у Гигина (*Fab.* 97); именем *Ἄσπετος* ‘невыразимый, непомерный’,

II

Вторая книга посвящена Гераклу, рассказывая, как он был исцелен после того, как впал в безумие, при помощи чемерицы Антикиром, нашедшим эту целебную траву в фокидской Антикире, где она изобилует; но другие рассказывают о его исцелении иначе. Еще он пишет, что Нестор был возлюбленным Геракла. И что костер Гераклу зажег не Филоктет, но трахинянин Морсим. И что один палец Гераклу откусил Немейский лев, так что (147b) он стал девятипалым, а отсеченный палец похоронен в гробнице; другие утверждают, что палец он потерял, уязвленный шипом ската. В Лакедемонне можно увидеть стоящего на гробнице пальца каменного льва — символ силы героя. Отсюда и на других гробницах стали воздвигать каменных львов; впрочем, другие установку львиных памятников объясняют иначе. Пишет и о том, как с погребального костра Геракла взметнулась туча саранчи, опустошив страну подобно чуме, и как эту саранчу истребили⁸.

И как Афродита из-за того, что Адонис был возлюбленным не только ее, но и Геракла, научила кентавра Несса подстроить тому смертельную ловушку. И что Нирей из Симы был возлюбленным Геракла и помог тому одолеть Геликонского льва. Иные же говорят, что Нирей был сыном Геракла⁹.

согласно Плутарху (*Pyrrh.* 1), Ахилла называли «на местном наречии» в Эпире. В сообщении Ботриада Миндского (упомянут лишь здесь) акцент либо на том, что убивал один только Аполлон (без Артемиды), либо на полном истреблении детей Ниобы (о выживших см. Ps.-Apolod. 3.5.6). Μνῆμων (букв. 'напоминатель', лат. *mentor*) переводим как «советчик», поскольку «наставник» ассоциируется с седовласым учителем, а здесь речь идет о сверстниках и товарищах героев (наставнику едва ли подойдет имя Μυῖσκος 'мышонок'); несколько более детальный список приводит Евстафий (*ad Od.* 1.432.24–39), останавливаясь на судьбе Халкона (его любви к царице амазонок Пентесилее и смерти от руки Ахилла), однако пропуская советчика Одиссея Мииска. Особое внимание обращает на себя Дарет Фригийский. Гомеровского Дарета, троянского жреца Гефеста, Птолемей делает советчиком Гектора и автором (своей собственной) «Илиады» — отражавшей, очевидно, троянскую перспективу, как и приписываемое ему же сочинение *De excidio Troiae historia*, дошедшее до нас только по-латыни (греческий оригинал, если таковой существовал, относят ко 2 веку н.э.).

⁸ Чемерица (*Veratrum album*) считалась в древности средством от безумия; об исцелении ею Геракла эпонимом Антикиры у подножия горы Эты (к которой приурочивали погребальный костер Геракла) упоминает и Стефан Византийский (s.v. Ἀντίκιρα); само растение прозывалось по месту, где оно было особенно обильным и отборным, ἀντικιρικόν (*Hsch.* s.v.). О любовной связи Геракла с Нестором пишет также Филострат (*Her.* 26.3–4). Среди этейцев Геракл почитался под именем Κορροπίων (от эол. κόρροψ = πόρροψ или πάρροψ 'саранча'), поскольку он избавил их от саранчи (*Str.* 13.1.64). Павсаний (8.34.1) упоминает о памятнике пальца Ореста, который тот откусил себе в припадке безумия, на холме близ аркадского Мегалополя.

⁹ Один Птолемей сообщает о связи Геракла с Адонисом и о том, что ревнующая Афродита измыслила «ловушку Несса» (пропитанный ядовитой кровью кентавра хитон Деяни-

Кем были Хариты для Поэта, с которыми он сравнивает волосы Евфорба? От рождения Геракл назывался Нилом, но когда он спас Геру, убив нападавшего на нее безымянного огнедышащего гиганта, тогда и сменил он прозвание, коль скоро защитил (ἀπαλαλχεῖν) Геру в бою. Абдер, возлюбленный Геракла, был убит Тесеем, когда принес тому весть о погребальном костре Геракла¹⁰.

Аристоник Тарентский утверждает, что средняя голова гидры была золотой. Александр Миндский говорит, что против Немейского льва вместе с Гераклом бился землеродный змей, вскормленный Гераклом, который последовал за ним в Фивы и оставался на стоянке за городом; он поедал воробьиных птенцов, и был обращен в камень¹¹.

«Арго» был построен Гераклом на горе Осса в Фессалии, а назван был по его возлюбленному Аргу, сыну Иасона, из-за которого Иасон и предпринял плавание в Скифию. Говорится и том, как Гера сражалась бок о бок с Герионом и была ранена Гераклом в правую грудь, и о том, что из этого вышло. И о том, что Корит, родом ибер и возлюбленный Геракла, первым стал изготавливать шлемы (κόρυθα), откуда эта деталь вооружения и получила свое название¹².

В могиле на Крите, слывущей могилой Зевса, покоится критянин Олимп, который принял и воспитал Зевса, и научил его божественным тайнам; однако Зевс, говорит он, поразил молнией своего воспитателя и учителя из-за того, что (148a) тот подстрекал гигантов отнять у него власть. Но когда Зевс

ра, думая, что это приворотное средство, дала надеть мужу), как и об отношениях Геракла с Ниреем из Симы (остров у побережья Карики), второстепенным героем «Илиады».

¹⁰ Ср. Ном. II. 17.51–52: «Кровью смочились кудри, подобные девам Харитам, / Золотом и серебром перевитые косы Евфорба» (пер. В.В. Вересаева). Этимология имени Ἡρακλῆς из Ἥρα + ἀλκή ‘сила, защита, оплот’ (с метатезой) известна и по другим источникам (ср. Prob. in Verg. Ecl. 7.61), а об изначальном имени Геракла Νεῖλος сообщает только Птолемей, как и о гибели его возлюбленного Абдера (об эпониме фракийского города Абдеры, сыне Гермеса, см. также Steph. Byz. s.v. Ἀβδηρα и Philostr. Her. 26.4, 45.6).

¹¹ Александр Миндский — писатель рубежа эр, цитируемый также Элианом в «Истории животных». Псевдо-Аполлодор (2.5.2) пишет, что средняя (девятая) голова Лернейской гидры была бессмертна. История землеродного змея (δράκων) Геракла отсылает к пересказанному в «Илиаде» (2.301–319) Зевсову знаменю в Авлиде: дракон пожирает восемь воробьиных птенцов вместе с матерью, а затем обращается Зевсом в камень.

¹² Все эти сведения приводит только Птолемей. Согласно Псевдо-Аполлодору (1.9.1, 16), «Арго» построен Аргом, сыном Фрикса и Халкиопы, дочери колхидского царя Ээта. Если Гера противостояла Гераклу в бою с Герионом, то другая богиня, Афина, ему помогала (по иконографическим данным). Отношения Геракла с будущей тещей (Гера — мать Гебы) неоднозначны: на этрусском зеркале из Вольтерры богиня кормит грудью бородатого героя — ср. ритуальные роды Геракла Герой, описанные Диодором (4.39.2).

увидел перед собой мертвое тело, он раскаялся и, не имея иной возможности унять страдание, подарил собственное имя могиле убитого¹³.

Кому принадлежала строка, которую приговаривал Александр, сын Филиппа: «Выпей вина, о Протей, человеческого мяса поевши»? И еще много чего о Протее. Какую песню имел в виду Александр и чье это творение? И кому этот же Александр, сын Филиппа, написал эпитафию? Вот вопросы, затронутые во второй книге¹⁴.

III

Третья книга посвящена Гиллу, сыну Геракла. У него был маленький рог, выросший с левой стороны головы, который забрал себе сикионец Эпопей, когда убил Гилла в единоборстве, и в этом роге он доставил воду из Стикса, и стал царствовать в стране. По поводу воды из Стикса в Аркадии рассказывают следующее. В пору, когда Деметра оплакивала дочь, Посейдон попытался соблазнить убитую горем мать, и та, возмущившись, превратилась в коня, явилась к какому-то источнику и, увидев в нем свое отражение, ужаснулась (ἔστύγησε), и сделала воду черной¹⁵.

Рассказывается о Гекале и обо всех, кто принял это имя. И о том, что отцом Александра был не Филипп, но Драконт, родом аркадянин: отсюда и история о змее. И о псе Птолемея, который сражался рядом с хозяином; когда после смерти его вскрыли, то обнаружилось, что сердце у него волосатое; был он молосской породы, а прозывался Бриареем¹⁶.

О Полидаманте, и что означают слова Поэта: «Дочь Пандарея, лесов зеленеющих дева-соловка», и так далее. И о Палладии, который собрались

¹³ Контаминация двух традиций: о критском детстве Зевса, вскормленном Амалфеей и охраняемом куретами, и о Зевсовом наставнике Олимпе — по Дионисию Милетскому (Diod. 3.73.4), он был приставлен к малолетнему Зевсу Дионисом, когда тот сделал его царем Египта.

¹⁴ Нот. *Od.* 9.347 (с заменой «о циклоп» на «о Протей», пер. В.В. Вересаева). Источник и контекст этих анекдотов об Александре неизвестен.

¹⁵ Гилла считали обычно не сыном, но возлюбленным Геракла. Царь Сикиона Ἐπωλεὺς ('наблюдатель') — сын Посейдона (Ps.-Apollocl. 1.7.4), но о его единоборстве с Гиллом и роге последнего узнаем только от Птолемея. В сообщении о Деметре и Посейдоне проглядывает аутентичный аркадский миф; прозрачная этимология названия подземной реки (Στύξ 'ужасная') привязана к реакции на собственный облик Деметры, объяснимой с учетом того, что конь — зооморфная ипостась Посейдона. Ср. Paus. 8.25.5.

¹⁶ Ἐχάλη ('безмятежная') — эпоним аттического дема, гостеприимная старушка, приютившая Тесея перед его боем с Марафонским быком (см. Plu. *Thes.* 15). О змее в постели Олимпиады, матери Александра, рассказывает тот же Плутарх (*Alex.* 2); вероятно, к самой Олимпиаде восходит история о сверхъестественном зачатии героя, а Птолемей дает лишь ее примитивную рационализацию. Известие о псе Птолемея (вероятно, спутника Александра) также находим лишь у нашего автора.

украсть на пару Диомед с Одиссеем. О тростнике, вещавшем, что у Мидаса ослиные уши; о поисках Акесталийских птиц у Стесихора; о Гигоновой скале на берегу Океана, которую никакой силой не сдвинуть, не поколебать, разве что асфоделью. О Ропале, сыне Геракла, который в один день принес отцу жертвы и как герою, и как богу. И что Амфиарай был назван так, поскольку родители его матери оба молились, дабы та разрешилась от бремени без страданий¹⁷.

Кому принадлежит гимн, который поют в Фивах в честь Геракла, где он назван сыном Зевса и Геры? И кто вообще сочинял гимны по разным городам? Еще рассказывает, что поэт Филостефан из Мантинеи (148b) отродясь не надевал гиматия, а фиванец Матрид, сочинитель гимнов, всю жизнь питался ягодами мирта. А Евпомп Самосский воспитал дикого змея — вот диво дивное, невероятно и неслыханно! Говорят, то был сын его по имени Драконт, у кого зрение было настолько острое, что он запросто видел всё на расстоянии до двадцати стадиев; за тысячу талантов он стакнулся с Ксерксом и, сидя с царем под золотым платаном, наблюдал и описывал тому морскую битву эллинов с варварами, и доблесть Артемисии. И что фессалиец Плесиррой, сочинитель гимнов, был возлюбленным Геродота и наследником его сочинений; и будто бы это он составил введение к первой книге «Истории» Геродота Галикарнасского, а настоящее начало «Истории» Геродота таково: «По словам сведущих среди персов, финикияне были виновниками раздора». Еще рассказывает, что Полизел Киренский вообще никогда не смеялся, за что и был прозван Несмеяной. И что превзошедшим всех прочих в благочестии был, согласно одним, Антигон Эфесский, а по другим — Лукий Гермионский, кого и Феофраст упоминает в своих письмах. Еще он сообщает, что у Ахилла и Деидами было двое детей — Неоптолем и

¹⁷ Полидамант — герой «Илиады», ближайший соратник Гектора, родившийся с ним в одну ночь (*Il.* 18.251). Миф о дочери Пандарея, нечаянно убившей собственного сына Итила и вечно его оплакивающей, пересказан в «Одиссее» (19.518–523): ὡς δ' ὅτε Πανδάρῃη κόρη χλωρήϊς (проблемный эпитет либо имя) ἀηδών и т.д. О краже Палладия ср. *Ps.-Apollod. Epit.* 5.13; концовку мифа о Мидасе с упоминанием «говорящего тростника» находим у Овидия (*Met.* 11.185–193); о проблеме «Акесталийских птиц» Стесихора (*fr.* 247 Page = 310 Davies-Finglass) см. Nikolaev 2011. Миф о Γῆωνία πέτρα ближе не известен; Гигонимом звали царя эфиопов, побежденного Дионисом и странным образом ставшего эпонимом города во Фракии (*Steph. Byz. s.v.* Γῆωνος); асфодель была связана с заупокойным культом, ср. Асфоделевый луг царства мертвых (*Hom. Od.* 11.539, 24.13). Ῥόπαλος (ср. ῥόπαλον 'дубина') — сын Геракла и отец Феста (*Steph. Byz. s.v.* Φαιστός), по другим — внук Геракла, сын Феста и отец Ипполита, царя Сициона (*Paus.* 2.6.6–7). Прозрачная этимология имени Ἀμφιάραος — оба (ἄμφω) молились (ἀράομαι) — отмечена только у Птолемея.

Онир, и Онир был убит не узнавшим его Орестом, когда они подрались в Фокиде из-за места, чтобы разбить палатку¹⁸.

Далее обсуждаются случаи совпадений в истории. На могиле Амика вырос розовый лавр, и всякий, вкусивший от него, испытывал влечение к кулачному бою; отведавший его Антодор завоевал тринадцать победных венков, но в четырнадцатом своем поединке всё же был побежден Диоскором из Феры — совсем как сам Амик, как говорят, был повержен одним из Диоскуров. А Крез, по его словам, рожден был во время праздника Афродиты, когда лидийцы, совершая шествие, осыпают богиню своими несметными богатствами. Отец Фемистокла, когда ему сообщили о рождении сына, принес в жертву быка и, испив бычьей крови, скончался. Дария, сына Гистаспа, брошенного матерью, вскормил у сосцов кобылы Спаргапис, смотритель коней, и воцарился он благодаря конскому ржанию. Слуга мелического поэта Ибика по имени Геракл был сожжен заживо за то, что помогал разбойникам, напавшим на его хозяина¹⁹.

Орест же родился на праздник Деметры (149а) прозванием Эриния. Филипп, еще будучи ребенком, пытался раз вечером подстрелить из лука падающие звезды, и Диогнет предсказал, что дитя это обретет власть над многими; Астер звали того, кто выбил ему глаз стрелой. А Марсий, авлетист, с которого была содрана кожа, родился на праздник Аполлона, во время ко-

¹⁸ О Геракле как сыне Зевса и Геры см. выше. О земляке Геракла фиванце Матриде с его миртовой диетой упоминает и Афиней — умалчивая, что тот был гимнографом, но добавляя, что и вино не входило в его рацион (2, 44с). Ни о Филостефане из Мантинем, ни о Евпомпе Самосском, с его то ли змеем, то ли сыном, нигде больше не упоминается. О фессалийце Плесиррое, известном только из нашего автора, речь еще пойдет ниже. Полизел Киренский, Антигон Эфесский и Лукий Гермнионский — все они отмечены только у Птолемея; сомнительно, чтобы Феофраст из Эреса, наследник Аристотеля в Ликее, упоминал о персонаже с римским именем Лукий, да и о письмах его ничего не известно. "Ονειρος ('сон') как сын Ахилла, убитый в драке с Орестом, засвидетельствован и у Евстафия (*ad Od.* 1.430.37–41).

¹⁹ Под «совпадением» (συνέμπτωσης) подразумевается иронический параллелизм. Об Амике, сыне Посейдона и царе бебриков, бросившем вызов аргонавтам и побежденном Полидевком, ср., например, Нуг. *Fab.* 17; всё прочее отмечено только у Птолемея, как и деталь о рождении Креза. Согласно Плутарху (*Them.* 31), сам Фемистокл покончил с собой в изгнании, выпив бычьей крови — которая в древности считалась ядом (ср. Plin. 11.222); так же покончил с собой египетский царь Псамменит — выпив бычьей крови по приказу Камбиса (Hdt. 3.15), который таким же образом расправился со своим братом Таниаксарком (Ctes. F 13.12 Lenfant). Конь Дария первым заржал при восходе солнца благодаря хитрости его конюха Эбара, и по уговору семи персов-заговорщиков Дарий и стал царем (Hdt. 3.84–87, ср. Ctes. F 13.17 Lenfant); сведения о детстве Дария — домыслы Птолемея. Поэт Ибик (Ивик) действительно был убит бандитами, перед смертью завещав отомстить за себя журавлям (см. Suda s.v. Ἴβυχος), но о слуге-Геракле больше нигде не говорится.

того тому подносят ободранные кожи всех заклятых в жертву животных²⁰.

Рассказывает и о Титии, злоумышлявшем против Александра. Мать Клавдия, когда носила его, тянуло на белые грибы, сам же Клавдий расстался с жизнью, наевшись грибов, сдобренных ядом. И о кентавре Ламии, который, застигнутый за прелюбодеянием, был убит евнухом Пирифоем, но по другим — Тесеем. Совпадений в таких историях действительно много. И на этом завершается третья книга²¹.

IV

В четвертой рассказывается о том, что Елена была первой, кто придумал выбрасывать жребий на пальцах, и обыграла в этом Александра. Была она дочерью Афродиты. На Островах блаженных от Ахилла и Елены родилось крылатое дитя, кого назвали Евфорионом из-за плодородия (εὐφορος) страны. И в него влюбился Зевс, но когда был отвергнут, поразил его молнией на острове Мелосе, где он настиг беглеца, а нимф, почтивших его погребением, превратил в лягушек. Иные утверждают, что Елена была похищена Александром, когда охотилась на Девичьей горе: сраженная его красотой, она последовала за ним, как за богом²².

²⁰ Эпитетом Ἐρινός Деметру наделяли в аркадской Фельпуге в связи с ее реакцией на домогательства Посейдона (Paus. 8.25.5, ср. выше). Об олинфянине Астре ('звезде'), выбившем стрелой глаз царю Филиппу во время осады Мефоны, сообщают многие источники (например, Plu. *Parall.* 8 = M. 307d). О состязании Марсия с Аполлоном, закончившемся для него плачевно, ср. Ps.-Apollo 1.4.2, но деталь о его рождении добавлена Птолемеем.

²¹ Титий и Александр явно связаны здесь невопад; возможно, под первым скрыт Филот, сын Пармениона (ср. Plu. *Alex.* 48–49); из римской истории известен Марк Титий, который предал Марка Антония, перейдя на сторону Октавиана Августа (Plu. *Ant.* 58), а в римском праве «Луций Титий» использовалось как условное имя — «имярек» (Gell. 5.19.9). Об отравлении Клавдия грибами пишут Тацит (*Ann.* 12.67) и Светоний (*Claud.* 44); о тяге к грибам матери Клавдия, Антонии Младшей, во время беременности сообщает лишь наш автор; греч. βωλήτης '(белый) гриб' заимствовано из лат. *boletus*, означавшего любой растущий на земле гриб, в отличие от *fungus* '(древесный) гриб'. Кентавр Ламий, как и увечье Пирифоя, царя лапифов, тоже отмечены только у Птолемея.

²² Передаваемая лишь Птолемеем история Евфориона удивительным образом была подхвачена и переосмыслена Гете во второй части «Фауста», где Евфорион, воплощение поэзии, — сын Фауста и Елены; скорее всего, Гете имел в виду немного более известного Евфориона — халкидского поэта 3 века до н.э. Девичью гору (Παρθένιον) в Пелопоннесе на дороге между Тегеей и Аргосом упоминает, в частности, Павсаний как место, где Телеф, сын Геракла, был брошен своей матерью Авгой и вскормлен ланью; там же находилось известное святилище Пана и водились посвященные ему черепахи, из панцирей которых делались отменные лиры, или кифары (1.28.4, 8.6.4, 48.7, 54.6–7).

Рассказывается и о расшитом поясе, который Гера получила от Афродиты и подарила Елене, а потом его украли служанка Елены Астианасса, но Афродита отобрала его и вернула хозяйке²³.

Что означают слова Елены у Гомера: «Голосу сходство аргивян придав с голосами супруг их»? Елена была будто бы дочерью Гелиоса и Леды и прозывалась Леонтой. А похищение Елены, говорят, случилось из-за гнева Афродиты на Менелая, который за свою женитьбу обещал почтить ее гекатомбой, но обещания не сдержал²⁴.

И о цветке Елены, что растет на Родосе: свое имя он получил от Елены, потому что на глазах вырос под дубом, на котором та повесилась; и те, кто отведают его, непременно ссорятся. Еще он говорит, что это Елена влюбилась в Менелая, вот тот на ней и женился. А кто-то утверждает, что Елена, в поисках Ахилла прибыв вместе с Менелаем к скифским таврам, была Ифигенией принесена в жертву (149b) Артемиде заодно с Менелаем; иные же уверяют, что она была уничтожена Фетидой при отплытии эллинов — превращена в самку тюленя²⁵.

Говорят, что собственным именем Елены было Эхо, из-за ее способности подражать голосам, а Еленой была названа потому, что Леда родила ее на болоте (ἐν ἔλει). Местечко Сандалий в Лакедемонии имя получило от сандалия Елены, слетевшего с ее ноги, когда за нею гнался Александр. От Александра у Елены родилась девочка, и родители спорили о том, как ее назвать: отец

²³ У Гомера Афродита дарит Гере, желающей соблазнить остывшего Зевса, свой волшебный «расшитый пояс» (χεστός ἱμάς, *Il.* 14.214). Ἀστυάνασσα, служанка Елены, упоминается еще только однажды в *Суде s.v.*, где сказано, что она первая изобрела и описала эротические позы, а ее последовательницы Филенида и Элефантина воплотили их в танце.

²⁴ Елена пыталась раскрыть хитрость греков, засевших в Троянском коне, изобразив голоса их жен: πάντων Ἀργείων φωνήν ἴσκουσ' ἀλόχοισιν (Hom. *Od.* 4.279). Ἥλιος как отец Елены и имя Λεοντή ('львиная') — неуклюжие этимологизации имени героини.

²⁵ Древняя богиня Елена связана с растительным культом, ср. у Феокрита о «тенистом платане» (18.47–48): «Врезана будет в коре по-дорийски там надпись, чтоб путник, / Мимо идя, прочитал: „Поклонись мне, я древо Елены“» (пер. М.Е. Грабарь-Пассек). Имя ее перекликается с названием растения ἐλένιον 'душевик (*Calamintha incana*)' (Thphr. *HP* 6.1.1, etc.); Юлий Поллукс (10.191) объясняет ἐλένη как название плетеных корзин, в которых несли ἱερὰ ἄρρητα на празднике Еленофорий; Павсаний (3.19.9–10) сообщает об обстоятельствах повешения Елены на дереве, давшем начало родосскому культу Елены Древесной (δενδρίτις); он же пишет о том, что на острове Левке Елена стала женою Ахилла (3.19.13); но Антонин Либерал (27) называет женою Ахилла на Левке Ифигению, и она же у него — дочь Тесея и Елены (а не Агамемнона и Клитемнестры, как обычно считалось). О превращении Елены матерью Ахилла в тюленюху (φώκη) сообщает только Птолемей; тюлени ассоциировались с «убийственной вонью» (Hom. *Od.* 4.442, ср. 404–406).

хотел Александрой, а мать Еленой; бросили кости, Елена выиграла, и девочка получила имя матери; ее, как говорят, убила при взятии Илиона Гекуба²⁶.

С троянских времен много еще было тех, кто назывался Еленой: дочь Эгисфа и Клитемнестры, убитая Орестом; помощница Афродиты в ее отношениях с Адонисом; дочь жителя Эпидамна, кого эпидамнийцы почитают под видом Афродиты, которая в голодную пору раздала им свое имущество; дочь Фаустула, воспитателя Рема и Ромула. И некая женщина, съедавшая за день по три козленка, тоже звалась Еленой, как и сестра Дикеарха, сына Телесина, и еще восемнадцать других, среди которых и догомеровская Елена, которая описала Троянскую войну, дочь афинянина Мусея: от нее-то, как говорят, и заимствовал Гомер свой сюжет, она же прижила (κτήσασθαί) двуязыкового ягненка. Еще одна — дочь этолийца Титира, которая вызвала на единоборство Ахилла и нанесла ему рану в голову, едва не ставшую смертельной, но всё же сама была им убита²⁷.

В этот список входит и художница Елена, дочь египтянина Тимона, которая написала битву при Иссе — тогда она достигла пика своего таланта; картина была выставлена в храме Мира при Веспасиане. Архелай Кипрский рассказывает, что была еще Елена из Гимеры, дочь Микита, возлюбленная поэта Стесихора; оставив Стесихора, она ушла к Бупалу, а поэт, желая оградить себя от презрения, написал, что ушла она по своей воле; неправда и то, что Стесихор ослеп²⁸.

²⁶ Собственное имя (τὸ κύριον) Елены объясняется ее обозначенной выше способностью подражать голосам (τὸ φωνόμιμον). Пелопоннесский Σανδάλιον нигде больше не отмечен, но так назывались пара островов в Эгейском море и крепость в Писидии. Гекуба, жена Приама, в одноименной трагедии Еврипида убивает детей Полиместора, убийцы ее сына Полидора.

²⁷ Αἴγισθος — плод кровосмесительного союза Фиеста с собственной дочерью, вскормленный козой (αἴξ) и убивший впоследствии отца (Hug. *Fab.* 87–88); во время Троянской войны он обольстил Клитемнестру, жену своего двоюродного брата Агамемнона, и убил того после возвращения из-под Трои (Hom. *Od.* 3.254–275, 4.521–537), воцарился вместе с Клитемнестрой в Микенах, а затем оба они были убиты Орестом, сыном Агамемнона и Клитемнестры (Hug. *Fab.* 118). Фаустул — муж «волчицы» (то есть блудницы) Акки Ларентии, вскормившей Ромула и Рема (Plu. *Rom.* 4). На итальянский же контекст указывает и самнитское имя Τηλέστινος = Telesinus ‘уроженец Телезии’. Обжора Елена (πλείστα βεβρωμέναι) упоминается Афинеем (10, 414d) со ссылкой на комика Гераклита. Особенно причудливо сообщение о Елене, дочери Мусея Афинского, написавшей свою «Илиаду» прежде Гомера и «прижившей (либо имевшей) двуязычного ягненка» (κτήσασθαί τὸ δίγλωσσον ἄρνιον); в *Суде* s.v. ἄρνιον пословица «ягненок тебе наговорил» разъясняется рассказом о говорившем человеческим голосом и даже прорицавшем грядущее египетском ягненке с царским крылатым змеем на голове, в котором угадывается бог Хнум.

²⁸ О художнице (ἡ ζωγράφος) Елене сообщает лишь наш автор. Архелай Кипрский, возможно, идентичен Архелаю Египетскому, упоминаемому парадоксографом Антигоном из

Затрагивается вопрос о растении «моли», о котором упоминает Гомер. Растение это, говорят, выросло из крови гиганта, убитого на острове Кирки, а цветок у него белый. Соратником Кирки, убившим гиганта, (150a) был Гелиос; бой был тяжел (μῶλος), отсюда и название растения²⁹.

Рассказывает и о том, что Дионис был возлюбленным Хирона, от кого и научился всем песням и пляскам, вакхическим обрядам и таинствам. И о Тараксиппе в Олимпии, и о Миртилах, отце и сыне. И о том, что Неоптолем Макиот был единственным, кто услышал оракул Фемоной от Эфа из Дельф. Об этом-то Эфе и Геродот пишет в первой книге «Истории»: «Я знаю имя этого человека, но не хочу называть»³⁰.

И о двойных именах у Гомера — одно для богов, другое для людей, и о том, что Ксанф — единственный сын Зевса среди рек, и о других двойных именах. Есть, пишет он, в Тиррении башня Соли, названная так по Соли, тирренской колдунье, которая была служанкой Кирки и сбежала от своей

Кариста (*Mir.* 19). Древний Стесихор (ок. 630–555), уроженец сицилийской Гимеры (*Pl. Phdr.* 244a), известен своими отношениями с Еленой Троянской: по рассказу Платона (*Phdr.* 243ab), поэт ослеп за ее поношение, а поняв причину своего несчастья — ἄτε μουσικὸς ὢν, — написал покаянную «Палинодию» и сразу прозрел (ср. также *Paus.* 3.19.13); Бупал, хиосский скульптор, враждовавший с поэтом Гиппонактом (см. *Plin.* 36.11), встраивается в эту историю именно как «недруг поэта»; не слишком логичное заявление Стесихора о добровольном (ἐκούσα) уходе его возлюбленной относится, скорее, к ее легендарной тезке, то есть Елена Троянская не была похищена, а по своей воле бежала с Парисом.

²⁹ Растение, на «языке богов» зовущееся «моли», с черным корнем и белым цветком, Одиссей получил от Гермеса в качестве оберега от зелий Кирки (*Hom. Od.* 10.302–306). Евстафий (*ad Od.* 1.381.33–34) и другие выводят название от глагола μῶλεῖν ‘слабеть’. Гераклит Грамматик (73.10) трактует μῶλο как аллeгорию здравомыслия, которое обретается с трудом (μῶλις); в этом же русле и предложенная Птолемеем, как и Евстафием (*ad Od.* 1.381.9–10), этимология от μῶλος ‘бой, сражение’ — но с акцентом на тяготы и труды битвы (по контрасту, например, с μάχη). Там же у Евстафия (1.381.34–38) находим более детальную версию переданной нашим автором истории (со ссылкой на Александра Пафосского): Пиколой, один из гигантов, во время гигантомахии укрылся на острове Кирки и попытался изгнать оттуда хозяйку, но Гелиос вступился за дочь и убил гиганта, из чьей крови и выросло «моли». У поздних авторов растение это отождествляется с чесноком (*Dsc.* 3.47) либо чертополохом (*Ps.-Dsc.* 3.24).

³⁰ Сообщение о Дионисе и Хироне — единственное в своем роде. Ταράξιππος (‘страх коней’) — прозвище Посейдона и название памятника на ипподроме в Олимпии — кенотафа Миртила, возницы Эномая, поставленного Пелопом (см. *Paus.* 6.20.15–19); Миртил считался сыном Гермеса (*Pher. fr.* 37a), но о Миртиле-сыне пишет только Птолемей. Фемония — первая дельфийская Пифия, считавшаяся изобретательницей гекзаметра (*Paus.* 10.5.7, 6.7); Μακίωτης — скорее всего, то же, что и Μακεδών = Μακεδών ‘македонец’; у Геродота (1.51) человек, имя которого он не хотел называть, определяется как ‘какой-то дельфиец, желавший угодить лакедемонянам’; имя Αἴθος редкое, но встречается в эпиграфике (ср. αἴθος ‘пламя, огонь’).

госпожи. Это якобы у нее находился Одиссей: своими зельями она превратила его в коня и содержала при себе, пока тот не умер от старости. Историей этой проясняется такое спорное место у Гомера: «Смерть от морской к тебе явится соли». И на этом завершается четвертая книга³¹.

V

В пятой книге рассказывается, что это Иасон, а не Полидевк, сражался с Амиком, и свидетельством тому — название места «Иасоново копьё», где поблизости родится источник, зовущийся «Елена». Этим объясняется эпиграмма Кринагора. «Прокловы вот уж едят псалаканфу зеленую кони», неизвестная Каллимахова строка, принадлежит комику Евбулу, где он насмеяется над Дионисием. Далее обсуждается этот пародийный стих. Псалаканфа — египетское растение, которое, если увить им коней, приносит победу и удачу. Но говорят также, что Псалаканфой звалась нимфа на острове Икарии, которая влюбилась в Диониса и помогла ему сойтись с Ариадной при условии, что он сойдется и с нею. Но тот не захотел, и тогда Псалаканфа стала строить козни против Ариадны. Разгневавшись, Дионис превратил ее в эту траву, но потом раскаялся и оказал честь растению, поместив его в венок Ариадны среди небесных созвездий. Трава же эта напоминает, по одним, полынь, а по другим — донник³².

Афинодор Эретрийский в восьмой книге своих комментариев сообщает, что Фетида и Медея поспорили о том, кто из них краше в Фессалии, и судьбою

³¹ Ср. Ном. II. 20.74: «Боги зовут его Ксанфом, а смертные люди — Скамандром» (пер. В.В. Вересаева). Обрывок строки из «Одиссеи» (II.133), которую толкует здесь Птолемей, звучит так: ...θάνατος δέ τοι ἐξ ἄλδος αὐτῶ — душа Тиресия пророчит Одиссею смерть ἐξ ἄλδος 'вдали от моря' либо 'от моря', при этом ἄλς означает и 'соль', и — в поэтическом языке — 'море'; исполнение пророчества, возможно, описано в несохранившейся «Телегонии», где Телегон, сын Одиссея и Кирки, неумышленно убивает отца изготовленным Гефестом копьем с острием из шипа морского ската. Птолемей, не углубляясь в такие тонкости, попросту выдумал дублирующую Кирку колдунью (φαρμακίς) по имени Соль (или Море) — гиперрационализация, которая, как замечает Б. Хартли, выносит его объяснение за рамки рациональности, превращая в топорную игру слов (Hartley 2014: 155).

³² Кринагор из Митилены — поэт рубежа эр; ни в одной из его эпиграмм, сохранившихся в «Греческой антологии», нет ни о битве Иасона с Амиком, ни указанных топонимов. В строке Каллимаха (fr. spur. 819 Pfeiffer), а точнее Евбула (fr. 27 Kassel-Austin), упоминается Прокл, сдавший сицилийский Наксос тирану Дионисию Старшему (Diod. 14.15.2); перескочив от Дионисия к Дионису, Птолемей сплетает байку о нимфе Псалаканфе; ψαλάκανθα — что-то вроде разрыв-травы (от ψάλλω 'дергать, рвать' и ἄκανθα 'колючка') — в Суде (π 3032) со ссылкой на эпического поэта Птолемея Киферского определяется как «растение, обладающее чудесною силой»; Венец Ариадны — это созвездие *Corona borealis* (между Волопасом и Геркулесом); на траву псалаканфу похожи ἀρτεμισία 'белая полынь' и μελιλωτον 'желтый донник'.

выступил Идомений, который отдал первенство Фетиде. Разгневанная Медея сказала, что критяне вечно (150b) лгут, и поклялась, что сама никогда больше не вымолвит ни слова правды, так же как солгал судья; вот почему критяне слывут лжецами. Передавая эту историю, Афинодор ссылается на Антиоха, а именно вторую книгу его «Городских легенд»³³.

У Ила, отца Лаомедонта, был, говорят, султан из конской гривы, а еще такой был у сыновей Приама Меланиппа и Идея. Ксанф и Балий, кони Ахилла, прежде были гигантами, и они единственные сражались на стороне богов со своими собратьями. Когда Одиссей потерпел кораблекрушение у сицилийских Тил, щит Ахилла выбросило на берег у памятника Аяксу; на могилу героя его и возложили, но наутро в него ударила молния³⁴.

Шкура, в которую одевался Геракл, снята была не с Немейского льва, но со Льва, одного из гигантов, кого Геракл вызвал на единоборство. Дракон, стороживший золотые яблоки, был братом Немейского льва. Упомянутый у Гомера Ир был беотийцем. Жена Кандавла, имени которой Геродот не приводит, звалась Нисией; говорят, она стала двузракой и обрела острейшее зрение, заполучив драконий камень, благодаря чему и смогла заметить выходявшего из дверей Гигеса; кто-то называет ее Тудо, кто-то Клитией, но Абант утверждает, что ее звали Абро. Как говорят, Геродот умолчал об имени этой женщины, потому что Плесиррой, возлюбленный Геродота, сам был влюблен в некую Нисию из местного галикарнасского рода, а когда с подружкой у него ничего не срослось, не выдержал и покончил с собою в петле. Потому Геродот и не склонен был оглашать ненавистное ему имя³⁵.

³³ Ни Ἀθηνοδωρος ὁ Ἐρετριεύς, ни Антиох, автор «Городских легенд» (Τὰ κατὰ πόλιν μυθικά), нигде больше не встречаются, как и перепев суда Париса с участием Фетиды и Медеи; Идомений, сын Девкалиона, — критский царь, герой «Илиады»; у Псевдо-Аполлодора упоминается его неверная жена Меда (*Epit.* 6.9), чье имя и могло вывести Птолемея на Медею.

³⁴ Гомеру неизвестны султан (ἵππουρις) Лаомедонта и сыновья Приама с такими именами, в отличие от коней Ахилла, к которым тот обращается так: «Ксанф и Балий, Подарги божественной славные дети!» (*Il.* 19.400, пер. В.В. Вересаева; в 16.151 названы их родители: ветер Зефир и гарпия Подарга); рассказ об их изначальном облике и участии в гигантомахии на стороне Зевса подтверждается Диодором (6.3). Указание места крушения Одиссея (περὶ τὰς Θύλας τῆς Σικελίας) явно нуждается в конъектуре: вместо Θύλας Скалигер читает Μύλας (Милы — город у северо-восточной оконечности Сицилии); щит Ахилла, выторгованный Одиссеем в споре с Аяксом, сыном Теламона (см. *Ov. Met.* 13.1–398), выбросило на могилу Аякса (*Paus.* 1.35.4), которую только Птолемей приурочивает к «сицилийским Тилам».

³⁵ Совмещая несовместимое, Птолемей рационализирует образ Немейского льва и тут же осложняет его фантастическим родственником. В начале восемнадцатой книги «Одиссеи» описано столкновение вернувшегося на Итаку инкогнито Одиссея с наглым нищим Иром: «Он назывался Арней (Ἄρναϊός). Такое дала ему имя / Мать при рождении. Но юноши все его Иром прозвали, / Так как ходил с извещеньями он, куда кто прикажет» (18.5–7, пер.

Кентавры, бежавшие от Геракла через Тиррению, были околдованы сладкозвучием сирен и умерли с голоду. Абдер, возлюбленный Геракла, был братом Патрокла. Эпипола, дочь Трахиона, скрыла свою женскую природу, чтобы отправиться в поход с греками; ее разоблачил Паламед, и греки побили ее камнями. Когда Александр похищал Елену, Менелай приносил гекатомбу Зевсу в Гортине на Крите. Паламед будто бы воцарился над греками вместо Агамемнона: по приезде в Авлиду Агамемнон сразил стрелой дикую коосу, посвященную Артемиде; греки оказались прикованы к берегу и не в состоянии отплыть (151а), тогда Калхант напроорочил, что чудо это разрешится, если Агамемнон принесет в жертву Посейдону дочь свою Ифигению; поскольку тот не соглашался, разгневанные греки отняли у него власть и поставили царем Паламеда³⁶.

Филоктет умер, ужаленный змеею, Александр же пал, пораженный в бедро копьем Менелая. Когда скончался Деметрий Скепсийский, у его изголовья нашли книгу Теллида; у изголовья Тирониха Халкидского обнаружили, говорят, «Ныряльщиц» Алкмана, «Бесчинствующих» Евполида — у изголо-

В.В. Вересаева), подобно вестнице Ириде (Ἴρις); позже Ἴρις вошло в пословицы и использовалось в нарицательном смысле «нищего бедолаги» (ср. *Lib. Or.* 18.140); оговорку о его настоящем имени Деметрий Скепсийский (см. ниже) относит к «неуместным вставкам» в гомеровском тексте (*Str.* 12.3.23), а Птолемей, возможно, за него и цепляется, связывая с Ἄρρη, столицей беотийцев в Фессалии, откуда вскоре после Троянской войны им пришлось переселиться в историческую Беотию (*Th.* 1.12); кроме того, беотийцев воспринимали как грубых деревенщин, откуда «беотийская свинья» у Пиндара, который и сам был родом из Беотии (*O.* 6.90, fr. 83). Историю лидийского узурпатора Гигеса, знакомую нам прежде всего по Геродоту (1.8–10) и Платону (*R.* 2, 359c–360b), Птолемей расцвечивает множеством неизвестных из других источников деталей, среди которых «драконий камень» (δρακονίτης λίθος, ср. кольцо невидимости у платоновского героя) и целая россыпь необъяснимых имен, за исключением разве что Τουδῶ, известной по версии Николая Дамасского (*FGrH* 90 F 47: здесь она — жена Адиатта и мисийская принцесса, да и Гигес — царского рода). Выясняется также, что возлюбленный Геродота Плесиррой едва ли мог сделаться его наследником (как сказано выше), поскольку раньше повесился от несчастной любви.

³⁶ О войне Геракла с кентаврами (но в Греции, а не в колдовской Тиррении), во время которой он случайно поразил стрелой Хирона, ср. *Ps.-Apollod.* 2.5.4; по схолии к *Lys. Alex.* 670, кентавры бежали от Геракла (но не по Тиррении, а из Фессалии) и прибыли на остров сирен, где и были околдованы и убиты. Абдер (о котором см. выше) и Патрокл превращаются в братьев с целью сближения Геракла и Ахилла, чьими возлюбленными они считались. Об Эпиполе известно только из Птолемея. В «Одиссее» (3.286–302) рассказывается, как Менелай, возвращаясь из-под Трои, был отброшен штормом от Пелопоннеса и отнесен к критской Гортине и далее в Египет, где он скитался годами. История стояния в Авлиде, когда греки никак не могли отплыть к Трое из-за противных ветров и по вещанию Калханта требовалось принести в жертву Ифигению, известна по многим источникам (ср. *Ps.-Apollod. Epit.* 3.21–22), но нигде больше не говорится о замещении Агамемнона Паламедом — сыном Навплия и личным недругом Одиссея.

вья Эфиальта, «Евнид» Кратина — у изголовья Александра, царя Македонии, наконец «Труды и дни» Гесиода — у изголовья Селевка Никатора. Керкид, законодатель аркадян, завещал положить вместе с собой в могилу первую и вторую книги «Илиады». Помпей Магн никогда не отправлялся на войну, не перечитав одиннадцатую книгу «Илиады», будучи ярким поклонником Агамемнона. А римлянин Цицерон, перед тем как ему отрубили голову, ехал на носилках и перечитывал «Медею» Еврипида³⁷.

Диогнет Критский, кулачный боец, победив в поединке, не только не получил венка, но даже был изгнан элейцами, потому что побежденного и убитого им звали Геракл — так же, как героя; критяне же этого Диогнета почитают как героя. Гомеровская строка о том, кто вот-вот будет ранен, «Но про тебя, Менелай, не забыли блаженные боги», перепета Пифийским богом, заменившим Менелая на Менедема. На пиру у императора Августа был поставлен вопрос: какая строка Гомера перепета в оракуле и кто именно в этом оракуле упомянут? Элеец Менедем, сын Буня, показал Гераклу, как, повернув реку, вычистить Авгиевы стойла. Говорят также, что он бился бок о бок с Гераклом в войне с Авгием, был убит и погребен под сосною в Лепрее; Геракл учредил в его честь игры и состязался в борьбе с Тесеем: силы оказались равны, поэтому зрители и сказали о Тесее: «этот — второй Геракл»³⁸.

³⁷ Эта версия смертей Филоктета и Париса передается только Птолемеем; по более признанной, Филоктет был исцелен от змеиного укуса, а затем выстрелом из лука сразил Париса (Ps.-Apollod. *Epit.* 5.8). Деметрий Скепсийский — грамматик первой половины 2 в. до н.э.; о книге Теллида ничего не известно, но его называют (Paus. 10.28.3) предком в третьем поколении поэта Архилоха Паросского (7 в. до н.э.), а отцом Архилоха — Телесикла, выведшего колонию с Пароса на Фасос (Eus. *PE* 314 Mras). О «Нырлящицах» (Κολυμβώσαι) поэта Алкмана из Спарты (7 в. до н.э.) упоминается и в *Суде* s.v. Ἀλκμάν (см. fr. 158 Davies); Τυρόνιχος ὁ Χαλκιδεύς неизвестен, зато Платон, например, упоминает поэта Тинниха (Τύννηχος) из той же Халкиды (Pl. *Ion* 534d). Эфиальт, о котором здесь речь, — это, вероятно, сторонник Демосфена второй половины 4 в., Евполид — поэт старой комедии (ок. 446 – ок. 411), о его «Бесчинствующих» (Υβριστοδίκαι) см. fr. 285 Kassel-Austin. Чуть больше известно о «Евнидах» (по Евнею, сыну Иасона) еще одного автора старой комедии Кратина (519–422), см. fr. 70–72 Kassel-Austin. Аркадянин Керкид Мегалополитанский (3 в. до н.э.) был не только законодателем, но и политиком, полководцем, поэтом и философом кинического толка. Детали о Помпее Магне и Цицероне сообщает лишь Птолемей.

³⁸ Об олимпийском чемпионе критянце Диогнете пишет только Птолемей. Строка из «Илиады» (4.127, пер. В.В. Вересаева) относится к эпизоду, где по наущению Афины Пандар стреляет в Менелая и Афина же отклоняет стрелу, чтобы рана не стала смертельной; на императорском симпозиуме задается ζήτημα по поводу ее перепева-пародии неизвестным дельфийским оракулом; Авгий — царь элейцев, а Лепрей — город на самом юге Элиды в Трифилии, жители которой считали себя аркадянами (Paus. 5.5.3); Менедем, сын Буня (Βουνέας от βουνός 'холм, куча'), нигде больше не фигурирует, но в поздней схолии к Овидию

Фантасия, жена Мемфиса и дочь Никарха, прежде Гомера сочинила (151b) повести о Троянской войне и Одиссее; книги эти, говорят, остались на хранении в Мемфисе; оказавшись там, Гомер получил списки от ученого жреца (ἱερογραμματεὺς) Фанита и на их основе начал сочинять сам. Адонис же сделался андрогином и, говорят, вел себя как мужчина с Афродитой и как женщина — с Аполлоном³⁹.

Одержав победу в Олимпии, Геракл поднес дар реке Алфею — назвал его именем букву альфа и поместил ее во главу всех прочих букв⁴⁰.

Далее наш мелющий вздор мифограф утверждает, что Моисей, законодатель евреев, назывался Альфой, потому что у него был лишай (ἀλφός) на теле. Галерий Красс, военный трибун при Тиберии, назывался Бетой, поскольку питал пристрастие к свекле, которую римляне именуют *betacius*. Горпиллида, гетера из Кизика, называлась Гаммой, Антенор же, написавший «Историю Крита», — Дельтой, ибо был добр и любил свой город, а критяне доброе именуют дельтным (τὸ ἀγαθὸν δέλτον καλεῖν). Далее, Аполлоний, прославившийся во времена Филопатора своим знанием астрономии, назывался Эпсилоном, так как форма этой буквы соответствует форме луны — по расчетам, в которых он был особенно искушен. Сатир, приятель Аристарха, назывался Дзетой за свою страсть к изысканиям (τὸ ζητητικόν), а Эзопа хозяин его Идмон, как говорят, называл Тетой (θήτα) за рабский и непостоянный нрав — ведь рабов именуют θήτες. Мать Кипсела, которая была хромой, Пифийский бог назвал Лабдой. А Демокид сообщает, что Пифагор,

(Ib. 451) одноименный персонаж — один из вождей греков, убитый под Троей и тоже ставший героем, а еще одного Менедема Климент Александрийский (*Protr.* 2.40) называет «местным демоном» на Кифносе: о ком-то из этих героев, очевидно, и запрашивали Дельфийский оракул. «Этот — второй Геракл» (ἄλλος οὗτος Ἡρακλῆς) — пословица, означающая, по *Суде* (α 1338), силовое решение какого-либо вопроса.

³⁹ Более подробную версию рассказа о Фантасии находим у Евстафия со ссылкой на некоего Навкрата (*ad Od.* 1.2.25–29): Фантасия здесь названа «жрицею мудрости» (σοφίας ὑποφήτις), храм в Мемфисе — храмом Гефеста (то есть Птаха), а сам поэт — египтянином либо учеником египетских мудрецов. Согласно Диодору (1.22), на территории храма Гефеста в Мемфисе была погребена Исида. О двуснастности Адониса сообщает лишь Птолемей.

⁴⁰ О реке Алфее у элейской Олимпии и о том, как Алфей течет прямо через море к возлюбленной Аретузе на Сицилии, см. Paus. 5.7.1–4. По одной из традиций, Геракл был «силен больше духом, чем телом» (*Serv. Aen.* 6.395); Плутарх рассказывает о странных письменных досках из гробницы Алкмены, истолкованных мемфисским прорицателем Хонуфисом (у кого и Платон занимался философией) как «грамота, которую в царствование Протея усвоил Геракл» (*De genio Socr.* 7 = M. 579a). Чаще считалось, что алфавит завезен в Элладу из Финикии Кадмом (опять-таки в Фивы) и впоследствии расширен Паламедом (Plin. 7.192).

описавший все числа, сам прозывался по третьей букве. Таково содержание пятой книги⁴¹.

VI

Следующие темы рассматриваются в шестой книге.

Ахилл, убитый Пентесилеей, был якобы возвращен к жизни по настоянию Фетиды, его матери, и, убив Пентесилею, вернулся обратно в Аид. Ликофрон в своей «Алексадре», написав «яловка-соловей, кентавробойца ли», убийцами кентавров называет сирен. А Гелен, сын Приама, якобы был возлюбленным Аполлона и получил от того в подарок лук из слоновой кости, из которого ранил Ахилла в руку⁴².

Приам пришел к Ахиллу молить того отдать останки Гектора (152a) вместе с Андромахой и ее сыновьями. Фетида детей своих, родившихся от Пелея (всего их родилось шестеро), втайне предавала огню; когда очередь дошла до Ахилла, узнавший об этом Пелей вырвал его из огня, так что сгорела лишь кость правой пятки, и отдал Хирону. Хирон же выкопал тело гиганта Дамиса, похоронного в Паллене (а был Дамис самым быстрым из всех гигантов), извлек из него пяточную кость и затем приладил и приживил ее

⁴¹ Лат. *beta* обозначало листовую свеклу, тогда как позднее *betaceus* (*betacius* = βητάκιον) — знакомую нам красную; созвучие названий буквы и овоща обыгрывалось и у латинских авторов. Об Антеноре, авторе «Истории Крита», как и о местном критском δέλτος в значении ἀγαθός больше ничего не известно. Аполлоний из Перги (ок. 240 – ок. 190) — знаменитый александрийский математик и астроном; Филопатор — это египетский фараон Птолемей IV (244–204). Аристарх — вероятно, Аристарх Самофракийский, александрийский грамматик (ок. 220 – ок. 143), приятелем которого хронологически мог быть перипатетик Сатир. Геродот называет Эзопа рабом (θής, мн.ч. θήτες) самосца Иадмона (2.134). Он же (5.92) рассказывает о Лабде (именно так произносилось название буквы λάμβδα в древности) из рода Бакхиадов, хромой матери коринфского тирана Кипсела (7 в. до н.э.), приводя и оракул с ее упоминанием. Δημοκίδης — это, вероятно, знаменитый врач Δημοκίδης, сын пифагорейца Каллифонта из Кротона (Hdt. 3.125); Исидор Севильский (*Etym.* 1.3.7) сообщает, что Пифагор изобрел букву ипсилон (Υ) и считал ее символом человеческой жизни; его отношение к гамме («третьей букве») неясно.

⁴² У Квинта Смирнейского (1.573–674) и в других источниках еще живой Ахилл убивает Пентесилею и влюбляется в умирающую; об убийстве ее Ахиллом, восставшим из мертвых по просьбе Фетиды, находим еще только у Евстафия (*ad Od.* 1.430.43–45) со ссылкой на «Историю» Теллеса (Τέλλης; возможно, киник 3 в. до н.э. Телес Мегарский). Лус. *Alex.* 670–672: τίς οὐκ ἀηδῶν στείρα Κενταυροκτόνος / Αἰτωλὶς ἢ Κουρήτις αἰδῶ μελεῖ / πείσει τακῆναι σάρκας ἀμῆνους βορᾶς; («Яловка-соловей, кентавробойца ли, / Этолянка, куретянка ли — песнею / Не убедит исчухнуть их от голода?», пер. И.Е. Сурикова со значительными изменениями); ср. выше о бегстве кентавров от Геракла; «яловыми», то есть бесплодными, соловьи-сирены названы, согласно схолии *ad loc.*, так как они были девы. Подробности о Гелене и Аполлоне, подарившем возлюбленному τόξον ἐλεφάντινον, нигде больше не находим, а о ранении в руку Ахилла пишет еще только Диктис Критский (3.6).

при помощи снадобий к пятке Ахилла. Кость эта отпала, когда за ним гнался Аполлон, поэтому и Ахилл упал и был убит. Но говорят также, что Поэт называет Ахилла «быстроногим» (*ποδάρχις*), потому что, как сказывают, Фетида прицепила новорожденному младенцу крылья Арки, а *ποδάρχις* означает кого-то с крыльями Арки на ногах. Арка же была дочерью Тавманта и сестрою Ириды, и у обеих были крылья. Но Арка во время войны против титанов улетела от богов и перешла на сторону титанов, и после победы Зевс отнял у нее крылья перед тем как нивергнуть в Тартар, а впоследствии, явившись на свадьбу к Пелею и Фетиде, принес эти крылья в дар Фетиде. Пелей же, как рассказывают, получил на свадьбу в подарок: меч от Гефеста, от Афродиты — золотую чашу с резным изображением Эрота, от Посейдона — коней, Ксанфа и Балия, от Геры — плащ, от Афины — цевницы, от Нерея — ларец с солью, которую называют божественной и которая обладает неодолимой силой, изошряющей аппетит, вкус к еде и пищеварение — вот тебе и разъяснение строки «божественной солью посыпав»⁴³.

Рассказывается также о землеродном Ахилле и о других известных Ахиллах, сколько их было со времен Троянской войны. Этот землею рожденный Ахилл принял Геру в своей пещере, когда та бежала от Зевса, не желая вступать с ним в связь, и убедил-таки ее возлечь с Зевсом; говорят, это был первый раз между Зевсом и Герой, и Зевс пообещал Ахиллу, что сделает знаменитыми всех, кто будет впредь носить его имя. Поэтому знаменит и Ахилл, сын Фетиды. Учитель Хирона тоже звался Ахиллом: это в его честь Хирон назвал и сына Пелея. Ахиллом звался и сын Лисона — человек, придумавший остракизм в Афинах. Рассказывают, что и у Зевса и Ламии родился сын Ахилл, красоты невиданной — и он тоже участвовал в состязании за то, кто всех краше, и Пан присудил победу ему. Раздосадованная Афродита внушила Пану любовь к нимфе Эхо, а еще поработала над его внешностью, так что тот, кто был красавцем, стал казаться уродливым и непривлекательным. А еще сын некоего Галата звался Ахиллом, и у него, говорят, с рождения волосы были седые. Были и другие замечательные Ахиллы, числом четырна-

⁴³ Подробно пишет о выдаче тела Гектора и участии Андромахи с сыновьями Диктис Критский (3.20–27). О закалке Ахилла и его пяте иначе рассказывает Псевдо-Аполлодор (2.13.6); он же приводит свой список свадебных подарков Пелею, где помимо коней от Посейдона фигурирует лишь ясеневое копье от Хирона (2.13.5); о «божественной соли» (цитата из *Il.* 9.214, пер. В.В. Вересаева), даре Нерея, подробней пишет Евстафий (*ad Il.* 2.704.17–705.7). Он же разбирает эпитет Ахилла *ποδάρχις*, сопоставляя с практически синонимичным *ποδώνχις* и приходя к выводу, что *ποδάρχις* помимо быстроты подразумевает стойкость и выносливость (1.102.21–103.27) — имея в виду глагол *ἀρκέω* 'удерживать, выдерживать', тогда как Птолемей попросту изобретает *ad hoc* обескрыленную сестру Ириды Арку. *Ποδάρχις* было также изначальным именем Приама (*Ps.-Apollod.* 3.12.5).

дцать, из которых двое были собаками, и свершения их как собак поистине удивительны⁴⁴.

Приам был возлюбленным Зевса и получил от того золотую лозу, которую он потом отдал в дар Еврипилу, сыну Телефа, чтобы тот помог как союзник. Эзоп, убитый дельфийцами, воскрес и сражался в рядах эллинов при Фермопилах. Филоктета на Лемносе исцелил Пилий, сын Гефеста, и научился от него искусству лучника. У реки Скамандра был сын Мелос (Μῆλος), прекрасный обликом, из-за которого поспорили Гера, Афина и Афродита — жрецом кому из них он станет; Александр рассудил, что победа должна достаться Афродите; от этой-то истории и разошлась молва о золотом яблоке (μῆλον). Гипермен в своей «Истории Хиоса» сообщает, что у Гомера был слуга по имени Скиндапс, которого хиосцы оштрафовали на тысячу драхм за то, что он не сжег тело своего скончавшегося хозяина. Изобретателем же инструмента, имя которого тот носил, скиндапса, был эретриец Пойкил, сын флейтистки. Таково содержание шестой книги⁴⁵.

⁴⁴ В этом куске помимо чистого вымысла (включая и псевдоисторического Ахилла, сына Лисона) наблюдаем удивительное взаимопереплетение самых разных мифов. Историю Ламии, разбросанную по множеству источников, в основном вторичных — Σ Ar. Pax 758, Σ Ar. V. 1035 = FGrH 76 F 17 (Дурид Самосский), Σ Aristid. 102.2, Diod. 20.41.3–6, etc., — можно подытожить примерно так: прекрасная ливийская (или лестригонская) царица Ламия становится возлюбленной Зевса и рождает ему детей, но ревнивая Гера то ли заставляет соперницу убивать новорожденных, то ли сама их убивает и вдобавок в прямом смысле лишает Ламию сна (сомнительная помощь Зевса в этом случае свелась к тому, что он наделил возлюбленную способностью «отключаться», на ночь вынимая и складывая в ящик измученные бессонницей глаза); страдания превращают Ламию в мстительное чудовище, которое хватает и пожирает малых деток (имя Λάμια *Суда* s.v. выводит от λαμῖός ‘глотка’); есть в этой истории и пещера (ἄντρον) — место рождения Ламии согласно Диодору, превращенное Птолемеем в жилище автохтона Ахилла. Из красавца в чудовище превращается по версии Птолемея и Пан; в «Дафнисе и Хлое» Лонга (3.23) Пан преследует Эхо, заинтересованный больше ее музыкальными способностями, нежели девичьими прелестями, и в конечном счете из зависти наводит безумие на пастухов, которые и растерзывают Эхо. Сообщение об Ахилле, сыне Галата, переключается с рассказом Авла Геллия (9.4.6) о том, что в «далекой стране Албании» люди седеют еще в детстве.

⁴⁵ Еврипил играет важную роль в «Малой Илиаде»; здесь сказано (fr. 6 Kinkel), что золотую лозу (ἄμλελος) Зевс подарил в качестве возмещения Лаомедонту, отцу похищенного им Ганимеда; Приам же отдал ее своей сестре Астиохе, чтобы та уговорила мужа своего Телефа прислать на помощь Трое их сына Еврипила (Σ Hom. *Od.* 11.520 = Acus. FGrH 2 F 40). О казни Эзопа дельфийцами сообщает Плутарх (*De sera num.* 12 = M. 556f–557a), но о его воскрешении узнаем только от Птолемея. Об исцелении Филоктета лемносскими жрецами Гефеста пишут Евстафий (*ad Il.* 1.515.9–11) и Диктис Критский (2.14); вводимый Птолемеем Пилий, возможно, отсылает к элевсинцу, ставшему приемным отцом Геракла, чтобы тот, чужестранец, мог быть допущен к тайнствам (см. Ps.-Apollod. 2.5.12). Перепев истории о суде Париса

VII

В седьмой книге передан рассказ Феодора Самофракийского о том, что Зевс, едва родившись, смеялся без передышки семь дней кряду — вот почему число семь считается совершенным. Ахилл был спасен из огня, в котором его сожигала мать, поэтому прозывался «Огнестойким» (Πυρίσσοος), но поскольку одна губа (χείλος) у него всё же сгорела, отец и назвал его Ахиллом. Узнав, что Телемах — сын Одиссея, сирены убили его. Одиссей же в Тиррении состязался в авлетике и одержал победу: говорят, он исполнил «Взятие Илиона», поэму Демодока. Когда вскрыли этолийца Стихия, возлюбленного Геракла, оказалось, что сердце у него волосатое; а убил его сам Геракл, когда, одержимый безумием, не пощадил и своих собственных детей; как говорят, он был единственный, кого герой оплакивал⁴⁶.

Гермес, влюбившись в Полидевка, одного из Диоскуров, подарил (153а) ему Дотора, фессалийского скакуна. Когда Аполлон устроил поминальные игры в честь Пифона, на них состязались Гермес и Афродита, и победившая Афродита, получив в награду кифару, подарила ее Александру; это о ней у

основан на банальной игре слов. Σινδαψός — четырехструнный музыкальный инструмент (Ath. 4, 183а). Все прочие имена и факты в этом куске известны только из Птолемея.

⁴⁶ Θεόδωρος ὁ Σαμοθράξ с его замечательным рассказом о младенце Зевсе скорее всего вымышлены Птолемеем. Об именах Ахилла «Огнестойкий» и «Безгубый» ср. Σ Лус. 158 (со ссылкой на «Эпиталамий Фетиды» Агаместора Фарсальского) и 1244 (к Πυρίσσοος добавлено еще Λιγύρων); имя Лигирон и толкование Ἀχιλλεύς от χείλος 'губа' находим и у Псевдо-Аполлодора (3.12.6: «потому, что он не прижимал свои губы к груди кормилицы»). Телемах считался основателем города Клузий в Этруррии-Тиррении (Serv. Aen. 10.167), с которой ассоциировались и сирены. Этрусский Одиссей (Ulysses = Uthste) совмещает черты эллинского и местного героев: о выселении пеласгов из Фессалии в Кортону (город к северу от Тразименского озера) под предводительством Нанаса (Νάνας) сообщает Гелланик (FGrH 4 F 4), а в той же схолии к Ликофрону (Σ 1244) находим, что у тирренцев Одиссей прозывался Νάνος, что значит 'бродяга' (по-гречески же νά(ν)νος — 'карлик, коротышка'); можно предположить, что у Птолемея речь идет именно об этрусском Одиссее — который, как замечает Плутарх (De aud. poet. 8 = M. 27e), «от природы был сонлив», в отличие от своего деятельного, пусть и невысокого (Il. 3.193, Od. 6.230), итакийского двойника; Плутарх же, ссылаясь на Гераклида Понтийского (De mus. 3 = M. 1132b), говорит о Демодоке Керкирском — известном из «Одиссеи» слепом певце феакийского царя Алкиноя — как об авторе «Разорения Илиона». Наконец, еще одна переключка с Плутархом: со ссылкой на «Персику» Аристиды Милетского тот сообщает, что и сердце царя Леонида, возглавлявшего эллинов при Фермопилах, было косматым, как выяснилось, когда Ксеркс вырезал его у павшего героя (Parall. 4 = M. 306d); об этолийце Стихии, еще одном возлюбленном Геракла, ничего больше не известно.

Гомера: «Не помогла бы кифара тебе», и так далее. А еще у Вакхилида — что за слово вкладывается в уста Силену и к кому оно обращено?⁴⁷

Левкадская скала получила имя от Левка, товарища Одиссея, родом с Закинфа, который был убит, как сообщает Поэт, Антифом; он-то, говорят, и построил святилище Аполлона Левкатского. Рассказывают, что те, кто прыгает с этой скалы, избавляются от любви, и вот по какой причине. После смерти Адониса Афродита, как сказывают, бродила всюду и его искала — и нашла в Аргосе, городе на Кипре, в святилище Аполлона Эрифия, и забрала его с собой, но при этом призналась Аполлону в своей любви к Адонису. Аполлон же отвел ее на Левкадскую скалу и велел броситься со скалы; и вот она бросилась — и от любви своей избавилась. Когда же она стала выяснять причину такой перемены, Аполлон отвечал ей, что как прорицатель он знал, что и Зевс, всегда любивший Геру, приходил и садился на эту скалу — и от любви своей передыхал⁴⁸.

Но и многие другие, мужчины и женщины, болевшие любовью, от любви исцелялись, спрыгнув с этой скалы. Артемисия, дочь Лигдамида, принявшая участие в войне с Персом, была влюблена в Дардана из Абидоса; отвергнутая, она выцарапала тому глаза, пока он спал; но вождеделение ее только росло вследствие гнева богов, и тогда она отправилась на Левкаду и, спрыгнув с

⁴⁷ Алкман (fr. 25 Davies) сообщает о даре коней Диоскурам от Геры: Киллара получил Полидевк, Ксанфа — Кастор; по Стесихору (fr. 178 Davies), Киллар достался Кастору, а Гермес подарил ему коней Флогей и Гарпага; Птолемей приводит еще одну версию этой истории. Миф об убийстве Аполлоном змея Пифона и учреждению в его честь Пифийских игр емко передан Лактанцием Плацидом (*Fab. Ov.* 1.8); в «Илиаде» строка «Не помогли бы кифара тебе и дары Афродиты» (3.54) помещена в другой контекст. Феогнидова максима (Thgn. 425–428) о том, что лучше всего для смертных — не родиться вовсе, а мертвым быть лучше, чем живым, частично воспроизводится Вакхилидом (*Epin.* 5.160) и полностью — в аристотелевском диалоге «Евдем, или О душе» (fr. 44 Rose = 65 Gigon), где она вложена в уста Силена, беседующего с царем Мидасом; один из издателей соединяет этот текст Аристотеля с дзетемой-загадкой Птолемея и выстраивает из них фрагмент Вакхилида (fr. 57A Edmonds).

⁴⁸ В «Илиаде» описано, как Антиф, сын Приама, случайно убил товарища Одиссея Левка (4.489–492), а впоследствии сам был убит Агамемноном (11.101–109). О Белой скале на острове Левкада (Λευκάς πέτρα на мысе Λευκάτας, где стояло и святилище Аполлона) подробно рассказывает Страбон (10.2.8–9), упоминая, со ссылкой на Менандра, и о впервые спрыгнувшей с нее Сапфо — из-за любви к Фаону, и о том, что на ежегодном празднестве Аполлона левкадцы сбрасывали оттуда приговоренного преступника — не имея, впрочем, в виду летального исхода. Упоминаний об Аргосе на Кипре нигде больше не встречается; история Афродиты открыта разным толкованиям: она нашла в этом городе Адониса мертвым или воскресшим? призналась Аполлону Эрифию (от ἔριφος ‘поденщик на полевых работах’?) и отправилась на Левкадскую скалу до того, как забрала с собой Адониса, или после? В описании посещения скалы закоренелым повесой Зевсом явно проглядывает юмор.

той скалы, нашла свою смерть и могилу. А еще Гиппомедонт из Эпидамна, влюбленный в местного мальчика, ничего от него не добившись, поскольку тот испытывал склонность к другому, убил его, а потом отправился на Левкаду, спрыгнул и убил себя. И Никострат, комический поэт, влюбленный в Теттигидаю из Мирины, бросился с той скалы и от любви своей избавился. Буфротиец Макета, говорят, сам был прозван «Белой скалой» — за то, что прыгал четырежды, чтобы отделаться от любовных мучений⁴⁹.

И еще множество людей исцелялись подобным образом. Фанагорит Булагор, влюбленный (153b) во флейтиста Диодора, сбросился с той скалы и убился, когда был уже в преклонном возрасте. Убила себя и Родопа из Амиса, прыгнув из-за любви к двум юношам-близнецам из телохранителей царя Антиоха, по имени Антифонт и Кир. Ямбограф Харин, влюбленный в евнуха Эрота, виночерпия Евпатора, доверившись рассказу о той скале, бросился с нее, сломал ногу и умер от боли, обронив перед смертью такие ямбы:

Левкадская скала, обман и зло, гори! Увы, Харин, ямбическую Музу Пустых надежд посулом ты спалила в прах. Страдай же за Эрота так, Евпатор!

Вот и Нирей из Катаны, влюбленный в Афины из Аттики, пришел и бросился с той скалы, и от доуки своей избавился; спрыгнув, он попал в сети какого-то рыбака, и когда их вытащили, вместе с ним там оказался и ларец с золотом; он собирался судиться с рыбаком из-за золота, однако ночью во сне ему предстал Аполлон и отвратил от желания судиться, пригрозив и сказав, что он должен быть благодарен за свое избавление, а не зариться на чужое золото⁵⁰.

Еще говорится, что пан — это морская рыбина из породы китовых, обликом похожая на Пана; внутри нее находят камень астерит, который загорается, оказавшись на солнце; используют его и для любовных чар. Такой камень, с резным изображением рыбы пана, был у Елены, и она использо-

⁴⁹ Кариийская царица Артемисия I (fl. 480) — исторический персонаж, но историю ее несчастной любви передает только Птолемей, как и историю Гиппомедонта из Эпидамна (город в Илирии). Комедиографов по имени Никострат было как минимум двое: один (Ath. 13.587d) относится к Средней комедии, другой (Ath. 6.230d) — к Новой; имя возлюбленной Никострата Τεττιγίδαία из Мирины (город на Лемносе) восходит к τέττιξ, γυός 'цикада' (возможно, гипокористическая форма). Βουθρωτός — город в Эпире напротив Керкиры, основанный вслед за падением Трои сыном Приама Геленом (Steph. Byz. s.v.); имя Μάχης, ητος засвидетельствовано еще только в эпиграфике.

⁵⁰ Фанагория — одна из столиц Боспорского царства на Тамани; как и понтийский Аμισ, входил в черноморскую империю Митридата VI Евпатора (135–63); именно с ним (а не с сирийским мальчиком-царем Антиохом V Евпатором, ок. 172–161) скорее всего был связан Харίνος, чья приводимая здесь эпиграмма (*SupHel* 313) — его единственное сохранившееся произведение. История Нирей из Катаны (город на Сицилии) и Афины Аттической опять-таки известна только из Птолемея.

вала его как печать. Таково содержание и седьмой книги «Новой истории на потребу многознанию» Птолемея, сына Гефестиона⁵¹.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Bekker, I., ed. (1824) *Photii Bibliotheca*. Vol 1. Berolini: typis et impensis Ge. Reimeri.
- Bowersock, G.W. (1994) *Fiction as History: Nero to Julian*. University of California Press.
- Chatzís, A. (1914) *Der Philosoph und Grammatiker Ptolemaios Chennos: Leben, Schriftstellerei und Fragmente (mit Ausschluss der Aristotelesbiographie)*. 1. Teil: *Einleitung und Text*. Paderborn: Ferdinand Schöningh.
- Decloquement, V. (2021) “Fallacious Etymology and Puns: Ptolemy Chennus’ Sham *Homeric Questions*”, in A. Zucker and C. Le Feuvre (eds.), *Ancient and Medieval Greek Etymology: Theory and Practice I*, 281–304. Berlin; Boston: Walter de Gruyter.
- Hartley, B. (2014) *Novel Research: Fiction and Authority in Ptolemy Chennus*. Doctoral dissertation. University of Exeter.
- Henry, R., ed. (1962) “Codex 190 (Ptolémée Héphestion)”, in Id. (ed.), *Photius. Bibliothèque*. Tome 3: 51–72. Paris: Les Belles Lettres.
- Hercher, R. (1856) “Über die Glaubwürdigkeit der Neuen Geschichte des Ptolemaeus Chennus”, *Jahrbücher für classische Philologie*. Supplementband 1.3: 269–293.
- Nikolaev, A. (2011), “†ἀχεσταλίων† ὀρνίθων (Stesich. PMGF 247)”, *Mnemosyne* 64: 625–628.
- Peirano, I. (2012) *The Rhetoric of the Roman Fake: Latin Pseudepigrapha in Context*. Cambridge University Press.
- Roulez, J.-E.-G., ed. (1834) *Ptolemaei Hephaestionis Novarum historiarum ad variam eruditionem pertinentium excerpta*. Lipsiae; Aquisgrani; Bruxellis: apud Mayer et Sommerhausen.
- Stallbaum, J.G., ed. (1825–1826) *Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis Commentarii ad Homeri Odysseam*. 2 voll. Lipsiae: sumptibus Joann. Aug. Gottl. Weigel.
- SupHel = Lloyd-Jones, H.; Parsons, P., eds. (1983) *Supplementum Hellenisticum*. Berolini et Novi Eboraci: Walter de Gruyter.
- Tomberg, K.-H. (1968) *Die Kaine historia des Ptolemaios Chennos. Eine literarhistorische und quellenkritische Untersuchung*. Bonn: R. Habelt.
- Valk, M. van der, ed. (1971–1987) *Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem pertinentes ad fidem codicis Laurentiani*. 4 voll. Leiden; New York; Köln: E.J. Brill.
- Westermann, G., ed. (1843) ΜΥΘΟΓΡΑΦΟΙ. *Scriptores poeticae historiae Graeci*. Brunsvigae: sumptum fecit Georgius Westermann.

⁵¹ В Суде s.v. Αἴσωπος (αἰ 333) находим практически то же самое сообщение со ссылкой на сочинение «О Елене» Эзопа, секретаря Митридата (видимо, шестого этого имени, Евпатора, правил 120–63). О камне астерите упоминает Исидор Севильский (*Етим.* 16.10.3, ср. Plin. 37.131).